

Дедушка берёт накаченный до звона футбольный мяч. Молодой, еще шестидесятилетний, он бьёт по мячу с такой силой, что тот взмывает вверх, сжимается до точки, до горящей на небе тёмной звезды, и начинает снова расти, летя с угрожающим свистом, точно снаряд, и... по моей пятилетней голове.

Память летит вслед за этим треклятым мячом. Вдруг вспомнил диалог со старшим братом-первоклассником про смерть и перочинный ножик:

– Вот этот ножик, – говорит он мне, – после моей смерти перейдёт по наследству тебе.

– Спасибо, но я думал, мы будем жить одинаково, – отвечаю я бесхитростно.

– Ну я постарше, я на пару дней раньше умру.

Как рисунок орангутанга – глупые, но милые в своей неожиданности мысли.

Или разговор с мамой:

– Только научился платить, как... как... – я глотал слёзы из-за деноминации рубля. – Ельцин козёл!

– А ну не говори так! Вот соседи услышат, расскажут милиции, и нас с папой посадят.

Когда что-то ноет или болит, когда жалко себя и грустно, легче поверить, будто бы в детстве ещё не было зла, обид, неприятностей и всего дурного... Но я вспомнил совсем иной случай.

Начиналось лето. Закончился первый класс. Я был в гостях у одноклассника Кости. На июнь я уезжал к дяде, а июль и август проводил на даче. Зашёл к Косте попрощаться до конца лета.

Мы спорили про «Остров сокровищ»:

– Долговязый Джон Сильвер.

– Одноглазый Джон Сильвер.

– Да долговязый, ну.

– Сейчас водички попью и вернусь, – сказал Костя, уходя на кухню.

Я заметил на полке яркую пружинку всех цветов радуги, от каждого охотника до фазана. Вроде бы её пускали красочно переваливаться вниз по ступенькам. И девчонки, кажется, прыгали через неё как через скакалку. Откуда такая пружинка взялась у Кости, не понимаю.

Я взял её в руки, радуга растянулась до самого пола. Чтобы сделать бублик, я соединил концы, но пружинка перевилась. Попробовал распутать. Не получилось. Костины шаги. Положил её на место. Я представил себе ссору, скандал, наказание, разочарование родителей, его и моих. «А был на хорошем счету...» И еще в голове крутились непонятные, но страшные слова «возмещение ущерба».

Костя вернулся в комнату. Мы ещё обсудили список литературы на лето, и я пошёл домой, где меня пугал теперь каждый телефонный звонок. Я даже договорился с бабушкой в этот вечер первым брать трубку, надеясь перехватить скандал. Но телефон молчал.

В телевизоре без сил лежал на троне русский царь. Он тихо пел:

– Я чувствовал, вся кровь мне кинулась в лицо и тяжело опускалась... – он закрыл десницей глаза и вдруг с пе-

ния перескочил на вопль. – О, совесть лютая, как страшно ты караешь!..

Я заплакал.

– Ай да Мусоргский, – сказала бабушка, но вскоре переключила на бразильский сериал о страстях на fazende.

Следующим утром мы поехали к дяде. Раньше, проезжая мимо бесконечных полей, я мечтал дойти до далёких деревьев у самого горизонта и погулять между ними. Но теперь, глядя в окно, я думал только о том, как в это самое время Костя проклинает меня. Что я наделал? Зачем мне вообще понадобилось что-то трогать дома у Кости?

Проехали Томск, потом хвойный лес в тучах гнуса и, наконец, добрались до деревни. С дядей я встретился уже совершенно больным.

– Ну вот и вы, дети асфальта, – приветствовал дядя нас с братом.

Поначалу снились кошмары, как приходит милиция, надевает на меня наручники и ведёт на суд. Приговор выносился то моими родителями, то Костей, а однажды я сам обвинял себя с высокой трибуны. Заодно милиция забирала родителей, за мои слова насчёт Ельцина.

Я просыпался с чувством тяжкой, ноющей, безнадежной горечи. Хотелось уткнуться головой в подушку и никогда больше не вставать с постели. Но я вставал, завтракал, и становилось немного легче. Вскоре отчаянье наваливалось с новой силой. Тяжелее всего было вечером, с наступлением темноты... Я стал молчаливым, часто вздыхал и весь как-то суетился – хотелось спихнуть с себя это отчаянье, но что делать? «Что делать? Рассказать? – измученно думал я. – Нельзя. Страшно». Мама даже спросила, не болят ли у меня зубы. На всякий случай она записала меня к стоматологу.

Ни поездки на мотоцикле за кедровыми шишками, ни то, как дядя отгонял пустой канистрой назойливых и страшных свиней, ни даже рыбалка в затонах Томи не могли развеселить меня.

– Митька меня стесняется что ли? – спрашивал дядя у мамы. – Не пойму, ведёт себя скромно.

– Да нет, какая скромность, – отвечала мама. – Тут первая любовь, я уверена...

Папа молчал, он тоже подумал про первую любовь, но не хотел подвергать меня излишнему любопытству взрослых. Несмотря на кажущуюся безучастность, папа всерьёз задумался над вопросом и даже понял, кто бы из класса это мог быть.

– Улыбочку! Димка, ну-ка улыбнись.

– И на мой шелкни ещё.

Дядя сфотографировался с племянниками, и мы поехали обратно. Недавно я наткнулся на эту фотографию. Теперь, когда всё прошло и забылось, мне просто смотреть на неё и удивляться, как можно было всерьёз страдать от запутанной пружинки. Дети же постоянно что-то ломают, они должны легко переживать... Хотя никому они ничего не должны.

Костя с пружинкой постепенно утрачивал очертания, и муки совести остались сами по себе. Казалось, всё это навечно.

А может быть, муки совести – необходимая часть взросления? Наступил июль, и мы с братом очутились на даче. Жизнь других продолжалась счастливо и спокойно. Я завидовал. Иногда, чтобы побыть одному, я прятался в зарослях клена. На месте усидеть я не мог, а для расхаживания из угла в угол там не было ни места, ни углов. Поэтому я стоял и, вздыхая, смотрел сквозь листья на дачную дорогу и большие ворота. Прошлым летом мы с братом открывали ворота для проезжавших машин, беря с них за это деньги... Теперь то хорошее время казалось чем-то бесконечно далеким.

«Всё-таки рассказать? Брату, – думал я. – Он сможет посоветовать. Он пятиклассник».

– Всё-таки рассказать Косте, как думаешь? – спросил я брата.

– Не стоит. Он ябеда. Может быть скандал.

– А маме?

– Хочешь разочаровать её – рассказывай, – ухмыльнулся он. – Накажут.

Ничего нового.

– Что же мне делать? – напрасно я ждал облегчения.

Брат задумался.

– Купи на свои деньги такую же штуку. Потом придёшь к нему, подмени незаметно.

– Он не мог не заметить! – я уже плакал.

– Ну, тогда я не знаю...

– Только не говори никому, пожалуйста!

А вдруг он ничего не заметил? Нет шансов, он не мог... И всё же. Вдруг? Нет, этого не может быть... От надежды только хуже.

На выходных приехали родители. Брат сказал им:

– Скоро мой день рожденья. Хочу... Не знаю названия... Большая такая пружина всех цветов радуги. Хотя нет, слишком девчаче, ребята не поймут, — со злой усмешкой он смотрел на меня.

От надежды только хуже. Если остается надежда, не наступает смирение.

Хмурым июльским утром дедушка зашёл в комнату проверить проснулся я или нет. Начал он с присказки:

– «Так» сказали мы с Петром Ивановичем.

Обычно я притворялся спящим, но никак не мог сдержать улыбку. Теперь мне не хотелось улыбаться, и я изображал сон совершенно серьёзно. Дедушка тронул меня за плечо.

– Что такое, пижон?

Я открыл глаза, но ничего не ответил.

– Что за морда лица? Выглядишь так, будто у тебя беспокойная совесть.

Я вздохнул.

– Ты ещё слишком мал для беспокойной совести.

Подъем, боцман Дзюба!

Позавтракали. Дедушка вытащил из сарая велосипед. Я летел от ворот вниз по склону, проезжал по улочке, разворачивался у колонки и возвращался к воротам. Ветер свистел в ушах, и слёзы щипали глаза. Я забыл обо всем и видел только зелёные пятна травы и камни, скакавшие под передним колесом.

Брат оторвался от телевизора. Мы улеглись на старую тахту. Дедушка достал из-под подушки потрепанную книгу про Шерлока Холмса и стал читать вслух... После обеда пошли на озеро. Из воды торчали камыши, крякала одинокая утка. Дачные ребята говорили, что есть тайная тропа, которая ведёт на островок в заболоченной части озера. «Отличное место для логова Степлтона», – весело думал я.

Вдруг завыла собака. Я вздрогнул.

– «Остерегайтесь ходить по болотам, когда темно и силы зла властвуют безраздельно», – вспомнил дедушка и усмехнулся.

Вечером повторяли финал чемпионата мира по футболу. Французы опять забивали Бразилии три безответных мяча. Прекрасный день.

Я лёг в постель. Пружины кровати заскрипели, и я вспомнил пружинку, пёструю, Костину, которую я испортил.

– Дедушка?

– Хочешь что-то сказать, барчук?

– Ничего. Хорошо Зидан забил, правда?

И всё же, вдруг Костя не заметил? Нет, нет, нет... Скоро август и скоро мы встретимся. Что будет? Такая мелочь испортила мне всю жизнь! Я же не плохой, за что мне это? Изменить бы всего одну маленькую случайность в прошлом, не трогать проклятую пружину, и были бы хорошие каникулы!

Проходят дни, проходят и месяцы. Испорченное лето не может не завершиться. Я пошёл к Косте без предварительного звонка. «Не знаю что, но что-то сегодня решится», – думал я. Самое страшное, что может быть – поссо-

римся и конец дружбе. До кулаков вряд ли дойдёт. Попытаюсь объяснить, что куплю такую же новую. Как рассказать маме? Потом, всё потом...

Совесть, как и любое чувство, не подчиняется логике. Доводы не успокаивали, я не верил, что всё кончится. Я шёл на первую в моей жизни казнь.

Костя открыл дверь.

– О, привет!

В том возрасте мы ещё не жали друг другу руки, поэтому я просто прошёл на место моего преступления. Немного удивился, что в комнате ничего не изменилось, и стал ждать. Ох, Шерлок Холмс расколол бы меня за одну трубку...

– Весь список прочёл? – вернулся Костя к июньскому разговору.

Пружина лежала на полке, переливаясь цветами от «как однажды Жак-Звонарь» до «городской сломал фонарь».

– Книгу по патриотической тематике прочёл?

— Не успел, — ответил я и ненароком взял пружинку. Она была распутана.

– Что будешь делать? – спросил Костя.

Облегчение наступало постепенно.

– Скажу, что прочёл «Войну и мир». Бабушка говорит, там про войну с французами. Расскажу про Бородино.

«Гора спала с души» – на ум приходили одни банальности. Как за всё это время я не догадался, что Костя её распутает? С пружинкой в руках я сел на стул. Чтобы ещё раз убедиться, что всё позади, и хотя бы символически изменить прошлое, я опять соединил концы радуги. И она запуталась...

Я уставился на Костю, но он сказал:

– Дай. Я научился распутывать, – он покрутил её и запросто разъединил концы. – Хочешь тебя научу?

– Нет, я запутываю, ты распутываешь.

– Ну ладно, пошли поиграем в комп...

С тех пор я много чего ломал в своей жизни, но не помню, чтобы совесть меня мучила так долго и беспощадно. Первый приступ болезни самый сильный, потом организм приспособливается. Наверное, что-то такое происходит и с совестью...

Как же хорошо, когда ничего не мучает, ничего не болит! Я вышел на улицу. Теплый августовский вечер. Снова начинается жизнь. Теперь ничто не мешает мне быть счастливым. Вроде бы еще лето, но воздух пропах горелой осенью, и небо приобрело осенний окрас. Неужели конец? Да, конечно.